

Сперва детективу Карелле показалось, что он ослышался и неправильно понял мужчину, расположившегося рядом с прикроватной тумбочкой, на которой стоял телефонный аппарат. Когда перед овдовевшим супругом на полу спальни лежит жена со вспоротым животом в луже собственной крови, от него ждешь совсем иной реакции. Мужчина еще не успел снять верхнюю одежду, он так и стоял: в пальто, фетровой шляпе, шарфе и перчатках, — высокий, с вытянутым, узким лицом, на котором выделялись седые, аккуратно подстриженные усы, гармонично сочетавшиеся с сединой на висках. Глаза мужчины были голубого цвета. В них не наблюдалось ни малейшего намека на скорбь или боль утраты. Он снова с нажимом повторил произнесенную фразу, будто желая подчеркнуть, что Карелле не изменил слух:

— Я очень рад, что ее убили.

— Сэр, — вздохнул Карелла, — уверен, мне вам не надо напоминать...

— Совершенно верно, — оборвал его мужчина, — вам не надо ничего напоминать. Это излишне. Я, видите ли, адвокат по уголовным делам. Я прекрасно знаю свои права и полностью отдаю отчет в том, что сказанное мной по доброй воле впоследствии может быть использовано против меня. Однако повторяю: моя жена была конченной сукой, и я вне себя от радости, что ее кто-то убил.

Карелла кивнул, открыл блокнот, посмотрел в него и спросил:

— Полицию вызвали вы?

— Я.

— Получается, это вас зовут Джеральд Флетчер? — поднял взгляд на мужчину детектив.

— Совершенно верно, — кивнул тот.

— А как звали вашу жену, мистер Флетчер?

— Сара, — промолвил мужчина, — Сара Флетчер.

— Не желаете рассказать мне, что произошло? —

Карелла внимательно посмотрел на усача.

— Я вернулся домой минут пятнадцать назад. Переступил порог квартиры и позвал жену. Она не отозвалась. Вошел в спальню, увидел, что она лежит мертвая на полу, и тут же вызвал полицию.

— Когда вы вошли в комнату, здесь все было так, как сейчас? — спросил детектив.

— Да, — кивнул мужчина.

— Что-нибудь трогали?

— Ничего. — Мистер Флетчер покачал головой. — После того как вызвал полицию, я не сходил с этого места.

— Когда вы вошли, здесь кто-нибудь был?

— Ни единой живой души, — уверенно произнес мужчина, — никого, кроме моей жены, но ее вряд ли можно назвать живой.

— Так, значит, вы говорите, что пришли домой пятнадцать минут назад? — переспросил Карелла.

— Где-то так, — чуть склонил голову мистер Флетчер, — можете уточнить у лифтера.

Карелла взглянул на часы:

— Получается, это было примерно в половине одиннадцатого.

— Получается так.

— А в полицию вы позвонили, — Карелла снова заглянул в блокнот, — в десять тридцать четыре. Правильно?

— Наверное, правильно. Я на часы не смотрел.

— Вызов был зарегистрирован...

— Десять тридцать четыре так десять тридцать четыре! — отрезал Флетчер.

— Это ваш чемодан в прихожей?

— Мой, — кивнул мужчина.

— Только что вернулись из командировки? — любопытствовал Карелла.

— Да, — ответил мужчина, — пробыл три дня на Западном побережье.

— Где именно?

— В Лос-Анджелесе.

— Чем там занимались?

— Мой коллега составлял резюме одного дела для суда. Ему понадобилась моя помощь, — невозмутимо пояснил Флетчер.

— В котором часу вы сегодня прилетели?

— Без пятнадцати десять. Я сразу забрал багаж, поймал такси и прямо из аэропорта поехал домой.

— И приехали сюда примерно в десять тридцать, так? — прищурился Карелла.

— Вы правы. Уже в третий раз.

— Простите, что? — не понял детектив.

— Вы уже в третий раз уточняете, в котором часу я приехал домой, — пояснил Флетчер. — Если вас все еще терзают сомнения на этот счет, позвольте мне повториться: я приехал сюда в половине одиннадцатого, обнаружил, что моя жена убита, после чего, в десять тридцать четыре, вызвал полицию.

— Да, сэр, я это понял, — кивнул детектив.

— Кстати, как вас зовут? — неожиданно поинтересовался Флетчер.

- Карелла. Детектив Стив Карелла.
- Я это запомню.
- Как вам будет угодно.

Пока Флетчер запоминал фамилию Кареллы; пока полицейский фотограф отплясывал джигу вокруг трупа, время от времени ослепляя всех вспышкой «Полароида», — щелчок, пятнадцать секунд ожидания, би-и-ип — из камеры вылезает фотография, взгляд на фотокарточку — как там у нас получилась дамочка? — прекрасно, просто прекрасно, насколько, конечно, можно быть прекрасной со вспоротым брюхом и кишками на ковре; пока два следователя из убойного отдела, Моноган и Монро, ругались из-за того, что им за неделю до Рождества пришлось на ночь глядя тащиться на место преступления, позабыв о домашнем тепле и уюте; пока детектив Берт Клинг расспрашивал лифтера и швейцара, пытаясь выяснить, в котором конкретно часу мистер Джеральд Флетчер вышел из такси и поднялся наверх, к себе в квартиру, — туда, где, распростершись на ковре, лежала его красавица-жена Сара, обезображенная злодейкой-смертью; так вот, пока все это происходило, спец из отдела судебной экспертизы по имени Маршал Дейвис сидел на кухне и ждал, когда медики официально зафиксируют факт смерти потерпевшей и назовут предположительную причину ее кончины, — словно нужно быть семи пядей во лбу, чтобы понять — бедняжка померла от того, что ей вспороли живот выкидным ножом. Как только это, наконец, произойдет, Маршал отправится в спальню и со всей осторожностью извлечет орудие убийства из кровавой раны — на рукоятке вполне могли остаться четкие отпечатки пальцев преступника-душегуба.

Дейвис, даром что новичок, был человеком наблюдательным и, оказавшись на кухне, обратил внимание на широко распахнутое окно. Ясное дело, никто в декабре нараспашку окна не держит, ведь на дворе двенадцать градусов по Фаренгейту, а это минус одиннадцать по Цельсию. Дейвис наклонился над раковиной, которая располагалась перед подоконником, и обнаружил, что рядом с окном имелась пожарная лестница. И хотя ему платили исключительно за сбор и обработку вещественных доказательств вроде осколков стекла в глазном яблоке жертвы, картечи в развороченной груди убитого или же, как в данном случае, ножа, торчащего из живота дамочки в соседней комнате, Дейвис не смог одолеть искушения и, вообразив себя детективом, предположил, что преступник, скорее всего, поднялся по пожарной лестнице, проник в кухню, оттуда — в спальню, где и расправился с жертвой.

Дейвис практически не сомневался, что прав. Доказательством его версии служили отпечатки подошв ботинок. Первый — здоровенный, грязный — виднелся в самой раковине, следующий темнел на полу, возле нее. Следы, теряя четкость, вели к двери в гостиную. Точно-точно! Убийца перебрался с подоконника в раковину, достал выкидной нож, прошел в спальню, вспорол живот жертвы. И проделал он все это с легкостью курильщика, вскрывающего новую пачку сигарет.

Дейвис решил не разрабатывать версии случившегося, а заняться делом. Поскольку помощник судмедэксперта продолжал корпеть над телом («Смерть в результате колото-резаной раны, приведшей к выпадению внутренностей... Господи ты боже, что тут сложного?» — раздраженно подумал Дейвис) и, по всей видимости, не зная, что делать, собирался

звонить начальству, а то и родной мамочке («Дико извиняюсь, у нас очень трудный случай, никак не могу разобраться. Короче, тут одной дамочке распороли брюхо, как думаете, что стало причиной ее смерти?»), Дейвис сперва сфотографировал отпечатки ботинок, а затем, выбравшись на пожарную лестницу, посыпал дактилоскопическим порошком край окна, за который преступник мог ухватиться, пытаюсь его открыть, а потом, на всякий случай, то же самое проделал с несколькими ступеньками лестницы.

Так вот, если помощник судмедэксперта когда-нибудь закончит возиться с этим сраным трупом, а на рукоятке ножа обнаружатся отпечатки пальцев, полдела для ребят из восьмьдесят седьмого участка уже будет сделано. А все благодаря кому? Конечно же, Маршалу Дейвису.

Дейвис был очень доволен собой.

А вот на душе у детектива Берта Клинга скребли кошки.

Берт не оставлял попыток убедить себя в том, что паршивое настроение никак не связано с тем, что три недели назад Синди Форрест решила расторгнуть с ним помолвку. Начнем с того, что никакой помолвки толком не было — так чего плакать о том, что никогда не существовало? Кроме того, Синди четко, подробно, без всяких двусмысленностей все ему объяснила. Да, она будет всегда с нежностью о нем вспоминать. Да, они провели вместе немало чудесных дней, месяцев (и даже лет!), притворяясь, что любят друг друга. Но она познакомилась с очень привлекательным молодым человеком — психиатром из больницы «Буэнависта», в которой проходила практику. И понимает, что, во-первых, у них с этим психиатром много общего, а во-вторых, он готов на ней жениться,

тогда как Берт, похоже, готов связать себя узами брака с револьвером калибра девять миллиметров, исцарапанным рабочим столом и КПЗ. Именно поэтому Синди решила резко порвать с ним, сочтя, что это будет менее болезненным, чем долгое, мучительное расставание.

Все это произошло три недели назад, и с тех пор он Синди не видел — даже не звонил ей. Боль от расставания можно было сравнить лишь с болью от бурсита в правом плече — и это несмотря на то что Берт таскал на запястье медный браслет. Браслет ему дал Мейер Мейер, который точно не верил в дурацкие приметы и нелепые предрассудки. Браслет должен был подействовать через десять дней («Ну, может, недели через две», — решив подстраховаться, пообещал Мейер). Клинг таскал браслет уже одиннадцать дней. Боль как была, так и осталась, но на запястье под браслетом образовался зеленоватый след. Надежда умирает последней. Где-то на задворках родовой памяти звероподобный обезьяночеловек скалил у костра зубы и, рыча, обращался к неведомым силам с молитвой о ниспослании удачи на охоте. Там же, на задворках памяти, правда, куда более явственно, хранился образ нагой Синди Форрест в его объятиях. Воображение Берта рисовало, как она позвонит ему, скажет, что совершила чудовищную ошибку и решила бросить своего психиатра. Конечно же, Клинг не был мямлей, но при этом считал, что будет вполне естественно, если Синди делает первый шаг навстречу — ведь разрыв состоялся именно по ее инициативе. Плечо из-за бурсита чертовски болело, а лифтер был не из тех сообразительных молодых людей, что схватывают все на лету. Он оказался тупоголовым бараном, который явно не без труда выучил собственное имя. Тяжело

вздыхнув, Клинг снова завел шарманку, повторяя осточертевшую процедуру:

— Вы знаете мистера Флетчера в лицо?

— Ну да, еще бы, — покивал лифтер.

— И как он выглядит? — спросил Берт.

— Знаете, он зовет меня Максом, — сообщил лифтер.

— Понял вас, Макс, не могли бы вы...

— «Привет, Макс», — так и говорит. «Как поживаешь, Макс?» А я ему: «Здравствуйте, мистер Флетчер! Неплохой сегодня денек! Точно?»

— Вы не могли бы его описать? — стараясь держать себя в руках, попросил Клинг.

— Он славный человек, — отозвался Макс, — хорош собой.

— Какого цвета у него глаза?

— Карие, — неуверенно ответил лифтер, — а может, голубые. Типа того.

— Какого он роста?

— Он высокий, — протянул Макс.

— Выше вас?

— Еще бы!

— А меня он выше?

— Э-э-э... нет, — покачал головой лифтер, — не выше. Мистер Флетчер примерно с вас.

— А какого у него цвета волосы?

— Белые, — уверенно ответил Макс.

— Белые? — нахмурился Клинг. — Вы хотите сказать «седые»?

— Белые, седые, типа того.

— Так белые или седые? — не сдавался Берт. — Макс, постарайтесь вспомнить.

— Я же говорю — типа того. Спросите Фила, он знает. Он в таких вещах разбирается. И время хорошо запоминает.